

Пиксендеева Виктория Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Мурманский арктический

государственный университет»

г. Мурманск, Мурманская область

DOI 10.31483/r-43447

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

***Аннотация:** статья посвящена одному из подходов к проблеме репрезентации абстрактных концептов время и пространство посредством теоретической базы когнитивной науки, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.*

***Ключевые слова:** когнитивная лингвистика, концепт, концептуальная структура, картина мира, когнитивная картина мира, языковая система, ментальная картина, концепт, макроконцепт.*

В результате интенсивных исследований на рубеже последних веков появилась реальная возможность постижения природы абстрактных явлений в рамках нескольких научных теорий. Сегодня, например, потенциал когнитивной науки позволяет описать и объяснить феномены времени и пространства по отношению к тому, как человеческое сознание отражает данные явления в форме ментальных репрезентаций и фиксирует в языковой системе. Есть все основания считать, что человеческое мышление осуществляется как в знаковых, так и незнаковых формах, и любая картина мира существует в этих основных формах. Картина мира, существующая в концептуальной форме, может быть переведена в знаковую. Язык является основным источником репрезентации результатов познания, используя широкий спектр номинативных единиц, грамматических структур, словообразовательных моделей, а также вариантов семантической объективации. Между тем владение языковой системой еще не обеспечивает полноценности человеческой коммуникации.

Современное состояние науки также определяет, что между языком и мышлением существует тесная взаимосвязь, а их единицы регулярно коррелируют. Вопрос же о том, как осуществляется взаимное влияние частей комплекса (язык-мышление-действительность) не находит однозначного ответа. Попытка связать две статические сущности: язык и мыслительный образ рассматривается как проблема языковой относительности и отражается гипотезой Сепира-Уорфа. Основные положения гипотезы лингвистической относительности сводятся к тому, что язык определяет мышление и процесс познания в целом, а через него культуру и общественное поведение людей, то есть целостную картину мира. Б. Уорф признаёт функцию упорядочения хаоса явлений объективной действительности за языком: любой мыслительный процесс включается в языковую деятельность, но язык устанавливает для мышления определенные границы. В самом мире как совокупности разрозненных вещей нет внутреннего единства. И только благодаря дейктической функции языка возможна упорядоченность и взаимосвязь вещей. В результате возникает общий мир говорящих на данном языке. Следовательно, познавательные возможности человека ограничены свойствами его языка [10, с. 230].

Концепция Б. Уорфа вызвала бурную дискуссию в науке, теоретические споры о том, в какой степени и за счёт каких мыслительных механизмов язык определяет восприятие действительности индивидом, для которого он является родным. Один из аргументов, выдвигавшийся против положений автора, сводится к тому, что сознание богаче, чем сумма значений языковых единиц благодаря внеязыковым знаниям, полученным в ходе всей практической деятельности человека. Так, наиболее простой вид языковой относительности, вызванный различием опыта, связан с влиянием жизненных условий, с верованиями, традициями, обычаями национальной культуры.

Действительно, в языках есть множество внутри- и межъязыковых лакун. Например, в русском языке нет слова для обозначения периода отдыха в конце недели, включающего вечер пятницы, субботу и воскресенье (ср. week-end). Однако это никак не свидетельствует о том, что в русском сознании отсутству-

ют соответствующие концепты, этот концепт может быть «описательно выражен в речи посредством синтагматической конфигурации словесных знаков» [3, с. 15–16]. Отсутствие единицы свидетельствует не об отсутствии концепта, а об отсутствии коммуникативной потребности в его общественном обсуждении. Психологи И. Коул и С. Скрибнер пришли к выводу, что в познавательных процессах в отношениях между языком и мыслительной деятельностью решающей промежуточной переменной является активность познающего человека [5, с. 65].

Л. Витгенштейн писал, сравнивая способы восприятия чувственного опыта: «Конечно, существуют те или иные способы видения, существуют и случаи, когда тот, кто видит образец так, как правило, и применяет его таким образом, а тот, кто видит его иначе, и обращается с ним по-иному. Например, тот, кто видит в схематическом изображении куба плоскую фигуру, состоящую из квадрата и двух ромбов, пожалуй, выполнит команду «Принеси мне такой же!», иначе, чем тот, кто воспринимает это изображение объёмно» [4, с. 114].

Формулировка Б. Уорфа является спорной и, по сути, отождествляет языковую картину мира с его концептуальной моделью, называя язык формой, которая задаёт особое видение мира. Против прямой проекции формы языка на картину мира высказываются серьёзные сомнения и предлагаются очевидные доводы [7, с. 78]. По мнению А. Вежбицкой, споры о том, отражает или формирует язык образ мышления, основаны на недоразумении. Автор уверенно заявляет, что имеет место и то, и другое. Ведя речь о культуроспецифичных словах, она представляет их как понятийные орудия, отражающие прошлый опыт действий и размышлений о различных вещах определённым способом; и они увековечивают эти способы. Но никогда не детерминируют полностью мировоззрение общества, оттого, что всегда находятся альтернативные способы выражения [2, с. 269]. Эту же идею высказала Н.Д. Арутюнова: «В процессе формирования значений действительность «давит» на язык, стремясь запечатлеть в нём свои черты; в ходе осуществления референции язык ищет пути к действительности, актуализируясь в речи» [1, с. 11]. По мнению Р. Джекендоффа, дей-

ствительность «проецируется» в семантику естественного языка, образуя языковую картину (projected world) [11, с. 13]. Все приведённые подходы подчёркивают приоритет действительности, определяющую роль концептуальной картины мира.

Сегодня наравне с языковой картиной мира можно говорить о существовании когнитивной картины мира, «горизонт познания которой» постоянно отодвигается от нас по мере продвижения вперед, то есть когнитивная картина мира является результатом когнитивного сознания. Под *когнитивной картиной мира* понимается ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа, являющийся результатом как эмпирического, так и сознательного отражения действительности в процессе мышления [9, с. 13].

Подводя итог, отметим, что взаимоотношение между ментальными и языковыми структурами предполагает взаимовлияние сторон (а не их слияние: мыслительное не обязательно равно языковому) на фоне доминирования когнитивных процессов. Язык не копирует реальность, а лишь определённым образом отражает процесс её познания человеком. В процессе деятельности, при накоплении сенсорного опыта человек выбирает и выделяет отдельные компоненты. Они аккумулируются в языке, но не остаются неизменными. Радикальные перемены в условиях существования этноса, научно-технический прогресс отзываются дальнейшим развитием языковой картины мира.

Когнитивные процессы доминируют над языковыми структурами, но, устанавливая связи между элементами знания при помощи языка, человек обогащает исходные когнитивные знания знаниями языковыми (лексико-семантическими, грамматическими, лингвопрагматическими). Следовательно, языковые знаки вбирают обобщённый опыт когнитивного освоения действительности и подвергают его «давлению» системы языка тем, что входят в уже сложившиеся языковые отношения (деривационные, семантические, синтагматические, стилистические).

Используя данные утверждения о потенциале когнитивной науки, описание таких абстрактных явлений, как пространство и время, становится вполне объективным. Термин «когнитивная структура» может быть применен в современной лингвистике к содержательному плану множества языковых единиц, так и одной языковой единице, а каждый языковой знак с семиотической точки зрения может рассматриваться как средство хранения и передачи обобщённой информации. В связи с этим появляется возможность рассмотреть Время и Пространство как многомерные ментальные образования – *макроконцепты*, состоящее из понятийной основы, внутренней структуры и социокультурного компонента. Представления о времени и пространстве занимают важное место в системе мировоззренческих доминант. Очевидно, что нет такой сферы человеческой деятельности, которая бы существовала вне пространственно-временного континуума. Абстрактный характер данных феноменов делает их неподвластно ни одному из органов чувств, оно не оставляет в сознании конкретные образы. Учёными признаётся и тот факт, что, несмотря на большое значение факторов времени и пространства, не он, а их признаки, такие, как длительность, линейность, динамизм, составляют ядро происходящих в мире событий.

В отличие от концептов, макроконцепты являются глобальными, масштабными ментальными структурами, которым присуща огромная систематизирующая сила. Макроконцепты типа «время», «пространство», «культура», «жизнь» служат для выявления и систематизации больших иерархически организованных рядов лексики.

Фундаментальная функция гештальтного восприятия, восприятия целого в единстве его частей (когда любой объект психологически воспринимается как нечто целое, а не как состоящее из отдельных частей; при этом необходимость знания частей обусловлена только необходимостью знания их функций относительно целого) объясняет, по мнению Дж. Лакоффа, то, что большинство информации хранится на одном концептуальном уровне и что этот срединный уровень является базовым. Концепты базового уровня, к которым относится

макроконцепт *время*, занимают промежуточное положение в иерархии от общего к конкретному. Это уровень, на котором общие очертания членов категории воспринимаются как подобные. Располагая концептами базового уровня, можно строить сложные когнитивные модели.

По мнению ученых, наиболее эффективный подход к описанию и определению природы концепта обеспечивает язык: «Концепт репрезентируется в языке: готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга [архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые)]; свободными словосочетаниями; структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты); текстами и совокупностями текстов» [9, с. 38].

Для исследования макроконцепта *время* актуальна следующая точка зрения: «Концепт существует не для самого слова, а для каждого словарного значения слова отдельно, его можно считать «алгебраическим» выражением значения, так как охватить во всей сложности значение человек не может и по-своему его интерпретирует, концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с народным и личным опытом человека» [6, с. 281], то есть концепт как ментальное образование высокой степени абстрактности связан преимущественно именно со словом.

Поскольку макро-, микроконцепты представляют собой упорядоченный, осознанный и ценностно-значимый опыт, который обозначен и охарактеризован языковыми единицами, то в их составе можно выделить по меньшей мере три составные части – образную (совокупность представлений), понятийную (языковое обозначение этих представлений в виде имен, развернутых дефиниций, системных противопоставлений) и ценностную (соотнесение этого опыта с системой важнейших ориентиров поведения).

Формирование макроконцепта *время* начинается на наглядной основе пространственной динамики – изменения вещей в пространстве. Представление о

времени начинается с перемещения, и далее этот макроконцепт расширяет свой экстенционал, включая все и всякие изменения в отвлечении от их качественных различий.

Время и пространство характеризуются максимальной значимостью для человека, представляя собой взаимосвязанные понятия, соотношения которых может быть выражено формулой: «время – это жизненное пространство, заполненное деятельностью» [4, с. 113].

Сознание человека таково, что оно имеет опыт времени и не имеет его представления, которое ему приходится изобретать, и которое будет являться опространствливанием / спациализацией. Если взять за основу постулат о взаимодействии категорий времени и пространства, то чувственное восприятие объективной действительности будет предполагать репрезентацию этих объектов в конкретном пространстве [8, с. 14].

Сложность осознания идеи времени и пространства связана также и с отсутствием в объеме данных понятий какой-либо конкретной и наглядной части, на которую сознание могло бы опереться в качестве прототипа [8, с. 12]. Речь идет о данных феноменах в том смысле, который вложен в философские определения, основанные на понимании пространства и времени как объективных форм существования материи, отражаемых в сознании человека эксплицированных в языке грамматическими способами. Соответственно, говоря здесь о концептуальных структурах, мы предполагаем, что они находят соответствия в целом комплексе языковых репрезентантов. Этот комплекс включает в себя лексические, грамматические и лингвокультурные единицы. Например, анализ макроконцептов *время* и *пространство* с учётом лингвокультурологических номинаторов позволяет выделить следующие особенности в восприятии пространственно-временных отношений у представителей англоязычной культуры:

- доминирование времени над пространством;
- многофункциональность временного континуума;
- материально-ориентированное распределение времени;
- доминирование личной ответственности при обращении со временем;

– ограниченность временного ресурса.

Подводя итоги, следует отметить, что пространство и время являются основными категориями картины мира. Абстрактный характер данных явлений осложняет их изучение в рамках отдельно взятой научной теории. Новые подходы к вопросам категоризации и концептуализации предоставили возможность осмыслить пространственно-временной континуум в проекции когнитивных структур. Применительно к художественной картине мира взаимосвязь пространства-времени позволило выделить категорию хронотопа, отражающую это единство и определяемую М.М. Бахтиным как связь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / отв. ред. Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
3. Гостева Ж.Е. Средства выражения концепта «ИСТИНА» в английском языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / РГПУ – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 22 с.
4. Канке В.А. Формы времени. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 260 с.
5. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – №3.
6. Лихачев Д.С. Избранное. – М.: Logos, 1997. – 559 с.
7. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.
8. Нильсен Е.А. О восприятии времени в русской и американской культуре // Интерпретация. Понимание. Перевод. – СПб., 2005. – 248–255 с.
9. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
10. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Иностранная литература, 1960. – С. 135–168.

11. Jackendorff R. Semantics and cognition. – Cambridge, Mass, 1993. – 221 p.